

В окрестностях Токио, прямо у подножия лесистых склонов, приютился уединенный рёкан с горячими источниками. В отличие от большинства подобных заведений, помимо общего онсэна здесь предлагали нечто особенное: выше по течению горного ручья среди деревьев были разбросаны уединенные деревянные домики.

Каждый домик располагал собственной купелью — побольше или поменьше, под разные нужды. Друг от друга эти купальни отделяли живые изгороди из высокой, в человеческий рост, бамбуковой поросли и пышных кустов.

Осенью здешние склоны полыхали багрянцем — это было лучшее время для любования кленами момидзи, но сейчас едва-едва началось лето. Листва еще не успела налиться алым цветом, зато у кромки домиков распустились пионы, окутывая все вокруг тонким, свежим ароматом.

У дверей самого дальнего домика, затерянного в глубине сада, зашуршали шаги. Прохожий миновал цветущие кусты и направился к порогу.

Подол белого кимоно и кончик иссиня-черного змеиного хвоста задели тяжелые бутоны. Цветы качнулись, осыпая гостя прохладной росой, которая тут же оставила темные влажные пятна на ткани.

Дверь негромко хлопнула. Клубок из змеиных колец полетел прямо на кровать и пару раз мягко спружинил на матрасе. Из самой глубины этого чешуйчатого кокона донесся приглушенный, испуганный вскрик.

Сложив руки на груди, он сверху вниз созерцал копошащуюся на постели массу. На его пугающе красивом лице играла ленивая, издевательская усмешка. Сукуна явно не спешил, желая проверить, насколько хватит терпения у этого импровизированного гнезда.

У Харе от такой карусели закружилась голова. Поняв, что все стихло, он слегка ослабил хватку и осторожно выглянул сквозь щель между чешуйчатыми кольцами.

В комнате тускло горел ночник, заливая полумрак теплым янтарным светом. Вся стена, обращенная к ручью, представляла собой сплошное панорамное окно. За стеклом колыхалась темная вода, в которой дрожали и рассыпались серебряные лунные блики.

Обстановка была скромной, в классическом духе минимализма: гладко выструганные половицы, кофейного цвета софа, плетеное кресло-качалка да простой письменный стол под цвет светлого ясеня. И, конечно, просторное ложе, на котором сейчас и развалился Харе.

«Стены надежные, посторонних нет, в таком виде меня никто не застукает... А значит, я в безопасности!»

Напряжение, сковавшее тело на улице, наконец отпустило. Но стоило ему перевести взгляд на застывший у постели высокий силуэт, как к щекам мгновенно прилил жар.

В памяти незваным гостем всплыли воспоминания о том, как Сукуна своими четырьмя руками бережно придерживал его, бесстыдно лаская клоаку.

Едва заметная, нежно-розовая щель...

Навязчивый, сводящий с ума влажный шепот и хлюпанье в ушах...

Прозрачная смазка, медленно стекающая по пальцам Сукуны, когда тот наконец извлек их...

И шершавый язык на его торсе, слизывающий влагу прямо с чешуек под тихий, одобрителный ропот...

О боги, нет! Только не это!

Харе в отчаянии закрыл лицо руками. Ну за какие грехи все обернулось именно так?

«Мы же должны были следовать "Руководству для заклятых врагов"! Где романтическая прогулка под луной? Где глубокомысленные беседы о смысле бытия и планах на будущее? Где, в конце концов, тонкая психологическая дуэль ради победы над противником?! Какого черта все превратилось в сцену из хентай категории "восемнадцать плюс"?!»

«Все из-за этого треклятого, размытого берега! Будь земля под ногами хоть чуточку прочнее, я бы никогда не свалился в воду!»

Да, разумеется, Харе прекрасно понимал, что его цинично подставили и заманили в ловушку с проклятием. И все же его упрямый мозг продолжал возлагать добрую половину вины на злосчастный водоем.

— Ух-х... — шумно выдохнул он, утыкаясь носом в собственные чешуйчатые кольца, и принялся судорожно искать оправдания, чтобы хоть немного успокоить мечущийся разум.

«Так, спокойно. Все нормально. Сукуна — это всего лишь проклятие, древний монстр, он в этих делах вообще ничего не смыслит. С чего мне краснеть? Да и удовольствие получила только змеиная половина, я тут вообще ни при чем! Чистая физиология, надо относиться к этому проще. В конце концов, если отбросить стыд, хорошо-то было мне! Я остался в чистом плюсе! К тому же из-за его... кхм... стимуляции мозг наконец-то наладил связь с хвостом. Пока мы шли, я успел полностью освоиться и теперь могу управлять им как родным. Первая сложность позади, пора подумать о том, как вернуть человеческие ноги. А то, что случилось у озера... Да просто выкину из головы, делов-то!»

Он повторил эту мантру трижды, мысленно зажмурившись. Но стоило ему разжать хвост и встретиться глазами с Сукуной, как все спасительные доводы рассыпались в прах. Щеки снова обожгло пунцовым румянцем.

«А-а-а! Да кого я обманываю?! Такое хрен забудешь!»

Харе зажмурился, молясь лишь о том, чтобы земля под ним провалилась.

— А я уж было решил, что ты просидишь в этом гнезде до самого утра, — лениво протянул Сукуна, явно забавляясь его реакцией.

Вместо ответа Харе резко приподнялся на ложе. Черные кольца беззвучно скользнули по простыням — парень рванулся вперед и в мгновение ока обвил мощную фигуру проклятия, словно настоящий питон.

Он оказался у Сукуны за спиной, возвышаясь над ним чуть ли не на полголовы. Плотнo прижавшись обнаженной грудью к его лопаткам, Харе крепко обхватил проклятие тонкими, бледными руками. Этот ракурс был идеален: он обеспечивал максимальный контакт кожа к коже, но при этом избавлял от необходимости смотреть Сукуне в лицо.

— Все, представление окончено. Твоя помощь больше не нужна, проваливай обратно! — выпалил он скороговоркой.

Смущение выдавали лишь пунцовые уши и сбивчивый шепот. Из-за разницы в росте щека Харе прижималась к виску проклятия, отчего парень напоминал ребенка, ухватившегося за любимую мягкую игрушку. С каждым словом его губы едва заметно задевали край чужого уха, неосознанно дразня и будоража.

— Мелкий паршивец, — глухо отозвался Король Проклятий. Дыхание щекотало кожу, заставляя волосы на затылке приподняться, но он даже не шелохнулся. Лишь недовольно нахмурился: — Совсем страх потерял? Решил, что можешь мной помыкать?

«Сначала ноет, требуя прогулки, потом влипает в неприятности по уши, а как только начинает смущаться — выставляет вон? Он что, считает великого двуликого карманной зверушкой, которую можно призывать и отпускать по щелчку пальцев?»

Чтобы ускорить слияние и расширить площадь контакта, Харе плотнее приник к его плечам и доверчиво устроил подбородок на широком плече. Густо краснея, он упрямо буркнул:

— А кого мне еще звать? Ты у меня единственный проклятый дух. К кому еще прикажешь обращаться?

«Сам ведь запретил подчинять тех проклятых духов, что мы встретили в прошлый раз.

Собственник хренов...»

Внезапно укротивший свой гнев Сукуна смолчал. Пожалуй, эти слова прозвучали даже приятно.

Растворяясь в воздухе, он напоследок бесцеремонно ухватил Харе за щеку и чувствительно ущипнул — в наказание за дерзость.

Когда в комнате воцарилось одиночество, лихорадочный жар наконец спал с лица Харе. Он аккуратно развесил одежду, которую утащил с собой в хвосте, разложил на столе пострадавшее от воды «Руководство для заклятых врагов», чтобы оно просохло, и с грустным вздохом покосился на безжизненный экран промокшего телефона. Делать было нечего — шурша чешуей по гладкому дереву пола, он пополз в ванную.

— Ну и морока с этим хвостом... Пока все чешуйки промоешь, с ума сойдешь, — ворчал он, устроившись в глубокой ванне и бережно поливая водой кольца хвоста.

Вдруг снаружи раздался шорох — едва уловимый, словно дуновение ветра встревожило лепестки в саду. Обычный человек не способен передвигаться столь бесшумно.

Сукуна выбрал этот рёкан наобум, они пробрались внутрь без всякой брони и регистрации, да и на часах была глубокая ночь. Если это не хозяин гостиницы, то кого принесло в такую глушь?

Мгновенно собравшись, Харе бесшумно вылез из воды, накинул просторный юката и постарался спрятать под длинным подолом массивный хвост, чтобы со стороны казаться обычным человеком.

Убедившись, что маскировка держится, он приоткрыл дверь. В спальне все оставалось нетронутым, но воздух едва заметно изменился — в нем появился едва уловимый, чужой запах.

— Кто здесь? — ледяным тоном спросил он.

В ту же секунду воздух со свистом рассекло лезвие. Короткий кинжал, зловеще блеснув в полумраке, летел прямо в лицо. Харе резко качнулся в сторону. Сталь с глухим стуком вонзилась в деревянную стену прямо за его спиной.

Краем глаза он заметил, что рукоять оружия обвита исписанной иероглифами бумажной лентой. В груди похолодело. Это же...

— Особая завеса, — раздался в полумраке мягкий, вкрадчивый голос. Незнакомец заговорил дружелюбно, словно читал лекцию прилежному ученику: — Чтобы отсеять присутствие определенной... персоны, приходится использовать подобные кинжалы в качестве ключевых точек.

Харе огляделся. Комнату уже заволакивала полупрозрачная, зыбкая пелена — завеса сомкнулась.

Он потянулся было назад, чтобы выдернуть клинок из стены, но незванный гость лишь негромко рассмеялся:

— Юноша, не горячись. Таких клинков три. Пока не уничтожишь все одновременно, завеса не падет.

— Кто ты такой? — Харе отдернул руку и замер, буравя взглядом мужчину, вольготно расположившегося в плетёном кресле.

Гость сидел вполоборота. Его манеры казались безупречными, а движения — неспешными и изящными. Выслушав вопрос, он примиряюще развел руками, показывая, что безоружен:

— Мое имя не имеет значения. Можешь быть спокоен: я пришел без злого умысла. Завеса нужна лишь для того, чтобы усыпить бдительность того чудовища, что затаилось внутри тебя. Я, признаться, неплохо изучил его повадки, так что подготовился на совесть. Наш разговор не предназначен для чужих ушей.

«Он знает Сукуну? И знает, что тот запечатан во мне...» — Харе лихорадочно сопоставлял факты. Незнакомец упрямо не поворачивал лица, и понять, встречались ли их пути в прошлом мире или упоминался ли он в секретных архивах магов, было невозможно.

— О чем ты хочешь говорить?

Мужчина на мгновение умолк, и с его лица стерлась вежливая улыбка.

— Не будем тратить время на пустую болтовню. Харе, я встречал твоего двойника.

Эти слова заставили Харе оцепенеть. Растерянность сменилась глухим шоком. «Другого меня? Он видел Злое начало? И безошибочно назвал мое настоящее имя... Кто он, черт возьми, такой? Придется заставить его замолчать навсегда?»

Заметив, как напрягся собеседник, гость тихо вздохнул:

— Понимаю твои сомнения. Позволь спросить: ты ведь видел его во сне, верно? Тот кошмар — дело моих рук, вернее, проявление моей проклятой техники.

Если точнее, это была проклятая техника того мага, чье тело он сейчас занимал.

Она позволяла ткать из проклятой энергии реалистичные иллюзии. Любой, кто соприкасался с ними, терял связь с реальностью, не в силах отличить обман от правды. Тот сон Харе увидел не случайно: соткав его по просьбе Злого начала, этот человек улучил момент, коснулся Харе и пустил образы по каналам его собственной проклятой силы.

Даже сам Кэндзяку до последнего сомневался в успехе этого трюка. И лишь тогда окончательно поверил словам своего Харе: они действительно были частями единого целого.

Но чем больше гость откровенничал, тем сильнее росло недоверие Харе. Он незаметно соединил пальцы, концентрируя на их кончиках плотный сгусток проклятой энергии, готовый к мгновенному удару.

Кэндзяку лишь мысленно развел руками.

— Я клоню к тому, что прекрасно вас знаю, — поспешно добавил он. — Твое нынешнее змеиное обличье — его рук дело. Он проклял тебя, чтобы связать по рукам и ногам и не дать вмешаться в его планы. Я могу рассказать, как избавиться от этого облика. Взамен мне нужна твоя помощь. Мы должны остановить его.

— И что же он задумал? — прищурился Харе, по-прежнему не теряя бдительности.

— Увы, он окончательно лишился рассудка. Думаю, ты и сам это заметил, — Кэндзяку вновь повернулся к окну, созерцая бегущую воду. В его голосе послышалась искренняя скорбь.

— При нашей первой встрече он пытался подчинить деревню, насаждая проклятого духа, который питался людской верой. Я сразу распознал эту древнюю, опасную технику и попытался его остановить. Но он... он заявил, будто наш мир — лишь один из осколков реальности, расколовшейся по его вине. И что ему нужно собрать колоссальное количество энергии, чтобы воссоединить эти части. Он бредил, выглядел настолько несчастным и потерянным, что я... я сжалился и решил помочь.

Мягкий, усыпляющий бдительность голос обволакивал тесную комнату. Харе стоял поодаль, не сближая дистанцию ни на вершок. Разум кричал, что этот человек бессовестно лжет, но желание узнать правду о своем двойнике оказалось сильнее. Он нахмурился, жадно ловя каждое слово.

Не дождавшись ответа, незнакомец продолжил:

— Он наводнил подобными проклятыми духами десятки префектур, сотворил целые культы и заставил обывателей верить в новые божества. Но стоило тебе появиться в этом мире, как он окончательно слетел с катушек. Заявил, что твое присутствие заперло его здесь. И теперь он намерен поглотить всю накопленную проклятую энергию разом, чтобы одним ударом стереть этот мир с лица земли и вырваться на свободу...

Кэндзяку тихо, горько усмехнулся и покачал головой.

— Мы-то с тобой понимаем, что никакого «другого мира» не существует. По крайней мере, никто из живущих здесь в этот бред не поверит. Он безумен, Харе. И его безумие смертельно опасно. Если он решит уничтожить наш дом, я умываю руки.

— Допустим. И чего ты хочешь от меня? Как я должен его остановить? — Харе не собирался копаться в чужих теориях о параллельных мирах и расколотых реальностях. В его голове занозой засела лишь одна мысль: Злое начало собирается уничтожить все вокруг.

«В этом мире живут папа и мама. Они живы, они счастливы. Разве могу я позволить какому-то безумному двойнику все уничтожить?»

— В следующее полнолуние он начнет ритуал, — вкрадчиво прошептал собеседник. — Тебе нужно лишь забрать эту силу себе. опередить его, поглотить энергию раньше...

Раздался резкий хруст — по невидимому куполу завесы побежали трещины. Незнакомец мгновенно сорвался с места, набрасывая на голову глубокий капюшон:

— Ох, на ловца и зверь бежит... Кажется, наш общий знакомый все так же скор на расправу. Мне пора.

— Стой! — крикнул Харе, делая шаг вперед. — Где это произойдет? И как мне вернуть человеческое тело?!

Мужчина притормозил у самого окна. Из-под глубокого капюшона блеснули глаза и показался контур тонких губ, тронутых ухмылкой:

— Место я сообщу позже. А что касается проклятия...

Он быстро, скороговоркой бросил ответ и растворился в ночной темноте, напоследок шепнув, чтобы Харе держал их встречу в строжайшем секрете.

В ту же секунду три скрытых кинжала разлетелись в пыль. Завеса лопнула, и в тишине комнаты зазвенел ледяной, яростный голос Сукуны:

— Кто здесь жить устал?

«Какая наглость — пытаться отсечь меня завесой. Жалкие букашки совсем лишились страха».

Мысли Харе путались. Он молча покачал головой, пытаясь переварить услышанное, и лишь

спустя минуту глухо спросил:

— Сукуна... Ты ведь с самого начала знал, как снять это проклятие? Потому и притащил меня сюда?

В ответ воцарилось красноречивое молчание. Сукуна выдал себя с головой.

— Значит... — голос Харе задрожал от подступающей ярости, — все эти твои «осмотры» и «проверки»... Ты просто надо мной издевался?!

«Ишь ты, поглядите на него, поумнел», — лениво подумал пойманный с поличным Король Проклятий, мысленно скрещивая руки на груди без малейшего намека на раскаяние.

От такой наглости у Харе потемнело в глазах. Скрежеща зубами, он взвыл:

— Сволочь! Ну все, я тебя придушу!!!

Ведь незнакомец перед уходом успел бросить заветную разгадку: нужно просто отмокнуть в горячей воде. От длительного купания змеиная проклятая энергия сама собой сойдет на нет, и тело вернет прежний вид.

И все!

Просто посидеть в воде!

Так, блин, просто!!!

Под покровом ночи получеловек-полузмея бесшумно скользнул в пустующую купальню с горячей водой.

А в это же самое время далеко-далеко отсюда, посреди бурлящего ночного Токио, на крыше одной из высоток сидел длинноволосый белобрысый парень.

Его хрупкая, до болезненности худая фигура терялась в просторной одежде, которая сиротливо полоскалась под порывами холодного верхового ветра.

В руках он бережно сжимал картонную коробку из кондитерской внизу. Сквозь щели пробивался нежный, упоительный аромат свежих сливок и спелой клубники — там лежало несколько аккуратных, присыпанных пудрой клубничных рисовых пирожных.

Устроившись прямо на краю перил, юноша беззаботно болтал ногами над бездной. Он задумчиво разглядывал полупустые ночные улочки и неторопливо, маленькими кусочками отправлял лакомство в рот.

Услышав за спиной тихий шорох шагов, он даже не повернулся. С аппетитом проглотив последний кусочек, парень принялся не спеша разворачивать обертку следующего пирожного.

Лишь его ноги замерли, перестав качаться в такт ветру. Кажется, визит незваного гостя слегка подпортил ему аппетит.

<http://bllate.org/book/19043/1984669>